

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

<3—6 марта 1912>

Почему я стал консерватором?

Не дочитал еще, но прочел три столбца 2-ой статьи «О современности» и точно кровь каплет из сердца при чтении каждой строки...

Знаете ли вы жизнь Страхова Н. Н.? И знаете ли вы жизнь Кон. Леонтьева? Первый читал по-латыни, гречески, французски и немецки, и был специалистом по философии, по биологии и по физике. Стакеев мне передавал: — «Бывало придешь к нему — и он скажет: дайте 1 р., я пошлю за чаем. У меня нет: а вы гость — и я вас должен напоить».

Когда я его спросил об этом, Страхов ответил:

— Ну, да! Я люблю Россию, и мне писать было *негде*; я жил переводами, перевел «Историю философии» Куно-Фишера, переводил Тэна и проч. На обед и квартиру хватало, а на чай — не всегда.

Такова же была и жизнь Конст. Леонтьева: и его журналистика также «казнила и погребала», просто от того, что он не отрекся от России и не побежал за немецко-еврейской социал-демократией.

А вы пишете, что «страдальцами» были Щедрин и Михайловский. Полноте: стоит какой-то *ужас обмана*, и вы Бог знает зачем с свободной душой и с биографией человека из народа, поплелись за колесницей, которая давила и давит все бедное, все гордое, все честное, все не сдававшееся. Каткова я исключаю: он — не знаю «кому брат», но он не наш, не мы. Я говорю о Гилярове-Платонове, Страхове, Кон. Леонтьеве (почти и только!), о Говорухе-Отроке... Скажите, какие «несчастненькие» эти Михайловский, у ног которого была вся Россия, и Щедрин, которого косого взгляда трепетал Лорис-Меликов.

Да вы поглядите, как Философов (сын тайного советника и главного военного прокурора) и Мережковский (его отец был *придворным*) перекинулись в социалистов, зная, что только *тут успех*, и, что *не будучи социалистом*, русский писатель подожнет с голоду, если он не в «Нов. Вр.» Мережковский несколько раз просил меня устроить ему свидание с стариком Сувориным, «хоть на $\frac{1}{2}$ часа», но я, зная отвращение Суворина к декадентам и неуважение специально к Мережковскому, как неумному человеку, и к Философову за его «мужелюбивые» наклонности — не хлопотал о свидании, зная, что ничего не выйдет. Хотя лично мне было бы в высшей степени приятно

и практически полезно, если б в редакц. «Нов. Вр.» вошли эти друзья мои. Это было в 1902—1905 гг.

Тогда, зная, что «или *Нов. Время* или умри с голоду, если не социалист» — они перешли в социализм.

Нет, Алексей Максимович: вы — мечтатель, вы — сновидец (для литератора это и отлично) и не знаете истории русской литературы, не знаете судьбы русских писателей, не знаете чудовищного черного погреба, в котором она копошится, как червь в гробу: и оплакиваете в золотых веревочках людей и топчете ногами замученных праведников русской земли.

Вы просто фактов не знаете.

А это общество, которое ритора Андреева понесло на плечах, яко Христа в Иерусалим, с осанной...

Нет, общество наше заслужило казнь себе. Я — одиночка, и мне ни до кого дела нет. Я сумасшедший и фантазер: но я своим сумасшедшим смехом посмеялся бы, если бы на Россию пошел вторично Аракчеев и показал предательскому и подлому нашему обществу «Кузькину матку».

Это — зажиревший жеребец на стойле; самодовольный, хвастиливы, чавкающий масляным ртом. Съел правду этот жеребец: и ему именно не Коковцева надо и не Думу, а просто-напросто Аракчеева. Я хорошо знаю, что Аракчеев — варварство — казнь. Но есть времена, именно вот золотенькие, именно вот благоутробные, когда хочется не рассуждений и не философии, а казни.

В. Розанов.

<На первой странице на полях:> О самоубийствах я вам возражаю в «Нов. Вр.».

<На последней странице на полях:> Я вам и так собирался писать по делу — и напишу — а пока посылаю без «дела» чувства. Очень вы меня разожгли своей неправдой по незнанию.

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

<17 апреля 1912>

Спасибо, милый, за письмо,— такое любящее. Так и будем: вне «хода мысли» помнить друг о друге.

А моя мамочка из могилы жмет Вам за сына руку: ах, какая она была бедная и измученная. Вот это целая история — и под перо бы Вам. Да и вся наша семья в Костроме — Ваш сюжет, с «лирикой».

В. Розанов.

Книгу пришлю. Сейчас иду в суд: суд тянет за «Уединен.».